

Сergeй ПЛОТНИКОВ, журналист «ОГ»

Дядя Стёпа – городской

Живём в эпоху перемен. Двигаемся быстро, без оглядки. На счёт раз-два, вдох-выдох. Поэтому не замечаем, что и как меняется вокруг и внутри нас. Так вышло, что на малой родине я не был много лет, с конца эпохи застоя. Вроде всё знакомо — и ничто не радует глаз. В стены «хрущёвок» врезаны пластиковые двери офисов и магазинов. От этого дома ещё старее. Но ведь то же самое происходило и по всей стране, в городах, где жил и бывал постоянно. Поэтому, наверное, перемены и не замечал. Глаз замылился. А быть может, причина в другом.

«Что-то очень большое и страшное, / На штках прирешённое временем, / Не даёт нам увидеть вчерашнего / Нашим гневным сегодняшним зрением».

Константин Симонов имел в виду войну. Для тех, кто её пережил, вся жизнь разделилась на до неё и после. А разведка переживших перестройку время не делится на до и после — с переходным периодом дикого рынка?

Слом эпох ощущаем там, где время или ненароком, или специально остановили, законсервировали. В богемной забытой глуши. Или в музее.

В конце первой рабочей недели нового года журналистов и редакторов пригласили в музей ГУ МВД России по Свердловской области (см. «ОГ» за 15 января с.г.). В начале 80-х годов прошлого века, при советской власти, когда экспозицию собирали в первый раз, его именовали бы музеем свердловской милиции.

Сегодня нет ни той власти, ни милиции. Она сменила имя на старорежимное. И у входа в зал встречает ростовая кукла городского.

Кажется, совсем недавно их именовали не иначе, как держимордами и сатрапами; противопоставляли нашей родной рабочей-крестьянской милиции.

А вот и она. В глубине того же зала — инсталляция на известном нам с детства сюжете: дядя Стёпа-милиционер. Два мира — два кумира. И между ними (в чём польза музейного — неторопливого и вдумчивого — взгляда) нет никакого раздора и противоречия. Не так уж важно, какое время на дворе. Есть хаос и есть порядок. Чтоб не допустить первого, надо поддерживать и охранять второе.

Один из лучших сыщиков старой России, которого октябрьский переворот, потом Гражданская война обрекли на прозание в эмиграции, писал о своих современниках, избравших иное, чем он, поприще:

«Погибла Россия, и не осталось им в утешение даже сознания осмысленности их работы».

В этом отношении я счастливее их. С каждым арестом вора, при всякой поимке злодея-убийцы я сознавал, что результаты от этого получаются немедленно. Я не только воздаю должное злодеям, но, что много важнее, отвращаю от людей потоки крови, каковые неизбежно были бы пролиты в ближайшем будущем этими опасными преступниками».

Чуть пафосно, но очень точно. За исключением одного: Россия не погибла. И люди, отвращающие от других потоки крови, не перевелись. О некоторых из них будет рассказано на этой странице. Она вся состоит из публикаций по материалам и экспонатам музея либо навеянным ими.

Здесь эпохи не спорят. Они сосуществуют.

Когда мы были на войне

Об одном из тех, кто навечно зачислен в списки стражей закона

Артём СТЕПАНОВ

В свердловской милиции служили семь Героев Советского Союза и шестеро Героев России. Все герои РФ — за Чечню. Все, как один, — посмертно.

Утром 14 декабря 1995 года в Гудермес, чтобы помешать проведению выборов, вошли боевики Салмана Радуева. На их стороне было трехкратное численное преимущество, а также внезапное нападение. Однако захватить город полностью не удалось.

В районе вокзала и комендатуры возникли серьезные очаги сопротивления. Здесь в окружении дрались около полутора сотен бойцов вологодского ОМОНа, вологодского, краснодарского, тюменского, ростовского, калининградского СОБРов — спецотделов быстрого реагирования. Было много раненых и мало патронов. Боевики заняли все окрестные дома и в упор расстреливали защитников комендатуры. У тех кончались еда и надежда. Пилю «гудермесский коктейль» — топлёный в кружке снег, пропавший порохом и кровью.

Теперь известно: федеральные войска быстро взяли Гудермес в кольцо, однако наступать почему-то не торопились. Одни копили силы, другие дрались в окружении и умирали от ран.

Лишь милиционеры сводного СОБРа, командовать которым поручили уральцу Леониду Валову, предпринимали отчаянные попытки прорваться к окружённым.

Валова, Ласточкина и Гудкова в СОБРе свердловского управления по борьбе с оргпреступностью за глаза называли танкистами. Не только за то, что кто-то из них пришёл в органы из армии. Ско-

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ

ре, за прямолинейность, не очень свойственную оперативникам. В Чечне армейская прямота Леонида Григорьевича ой как пригодилась.

15 декабря Валов на свой страх и риск повёл группу из полутора десятков человек к комендатуре. Им чудом удалось пробиться к кирпичному забору вокруг здания. Далее пусть говорит участник прорыва.

«Двинулись вдоль него, переговариваясь с защитниками комендатуры, убеждая, что пришли свои. Те пустили нежданных гостей не спеша: а вдруг это дудаевцы решили воспользоваться уловкой и под видом своих прорваться в здание? Ста-

ли имена общих знакомых называть. В общем, препирались долго».

Кто-то вспомнил, что начальником штаба сводного СОБРа в Грозном был Володя Ласточкин. Спросили «Каштана» его имя. Через минуту получили ответ: «Володя».

Свердловский милиционер, внук Героя Советского Союза, сержанта-сапёра. Был заместителем у Валова. 20 декабря 1995 года, при попытке вывезти из комендатуры Гудермеса тело погибшего командира, был смертельно ранен. Через пять дней умер в госпитале. Удостоен звания Героя России.

Все сомнения отпали: наши. Несколько бойцов побежали отпирать калитку. В этот момент боевики поняли, кто эти невесты откуда появившиеся люди. Открыли ожесточённый огонь из пятиэтажки напротив. Наши стали активно отгрызаться. Буквально в метре от Блинова рухнул на снег возглавлявший группу начальник СОБРа Екатеринбургского УВД полковник милиции Леонид Григорьевич Валов. Наконец калитку удалось открыть. Ребята взяли командира, подняли на второй этаж в врачу. Тот подтвердил — выжить у Валова не было ни одного шанса».

Какие там могли быть

шансы при такой организации взаимодействия и связи? Какие могут быть отговорки у тех, кто восемь месяцев уже здесь, на Урале, не мог вручить семье героюскую звезду? (Звание Героя Российской Федерации Валову Леониду Григорьевичу присвоено посмертно 21 июня 1996 года. Награда вручена вдове в конце февраля 1997-го).

Да, так было. Хорошо, что сегодня — не так. И вдова забыла обиду, и обе дочери служат в полиции. Одна в угрозыске, вторая — в ОРЧ (оперативно-розыскной части). Не любят быть в тылу. Похожи на отца.

Леонид Валов держит на руках внука Гришу. Сегодня ему 18. Родился за год до гибели деда. Поняните младшего внука ему уже не довелось. Младшего назвали в честь деда — Лёней. Леонидом. В переводе — подобный льву. Пусть побеждает лишь в мирных боях

ЛИЦА С ЭКСПОЗИЦИЙ

В небе — сокол, на земле — герой

На одном из стендов музея есть фото человека в форме офицера ВВС. Многие сотрудники милиции прошли армейскую школу. Однако Алексей Ляпустин никогда в милиции не работал. А погиб, охраняя общественный порядок.

Лётчик-истребитель в дни Великой Отечественной войны, лётчик-испытатель в мирное время, орденноносец, он и после «приселения» на Свердловском камвольном комбинате не забыл о долге защитника. Не пропустил дежурства в ДНД — добровольной народной дружины.

9 августа 1962 года, вступившись за горожан, дружинник Ляпустин с голыми руками пошёл против ножа пьяного хулигана и был смертельно ранен. В последний день того же месяца улица Березняковская переименована на улицу Ляпустина, под этим названием она известна екатеринбуржцам до сих пор. Свой последний боевой орден — Красной Звезды — Алексей Георгиевич получил посмертно.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ

Настоящий полковник

Актёр с амплуа героя-любовника для роли примерил полковничью форму — вот первая ассоциация тех, кто впервые видит фото Евгения Лисанского.

Те, кто знал Евгения Константиновича лично, подтверждают: он был из тех, чей вид заставлял трепетать женские сердца. А сердца злодеев — сжиматься в страхе. Поскольку был Лисанский одним из лучших сыщиков Свердловска второй половины прошлого столетия. Его особым талантом считалось оперативное сопровождение расследования уголовных дел.

Он был умницей, интеллигентом, верным другом. И, кстати, добрым семьянином. Таким и запомнился современникам, соседям, землякам.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ

Пришитая граната

Для настоящего профессионала важно поставить финишную точку. Если речь идёт о поимке опасных преступников — тем более.

Банду братьев Коротковых в лихих 1990-х считали отмороженными даже выдавшие виды старожилы маргинального мира района Уралмаш.

Почти всю банду взяли, только Виталий Голенков ушёл. Скрывался долго. Когда вернулся в Екатеринбург, в местах возможного появления были выставлены засады. А он появился не там. И братья вооружённого бандита пришлось на скорую руку. Хорошо, что это оказались руки Андрея Кочурова и его коллег. Они не просто взяли отстреливавшегося Голенкова, но и не купились на смертельную уловку — гранату, пришитую к подкладке куртки. После эту гранату я видел в руках Андрея. А чуть позже — орден Мужества на его полковничьем кителе.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ

У прошлого нет дна

Уже полвека назад банальную корысть пытались задрапировать национальным экстремизмом

Сергей ПЛОТНИКОВ

Даже в богатой на события криминальной истории Среднего Урала это преступление стоит особняком. По количеству жертв. По резонансу, преодолевшему железный занавес.

29 января 1964 года в Свердловске в своём доме были убиты шесть человек из семьи Иткниных-Ахимблит и их семейный доктор. Заметая следы, злодеи подожгли дом. На пепелище была найдена записка: «Так будет со всеми жидками».

Свердловских евреев оккупировала паника. Поползли слухи о погромах. Кое-кто собрался уезжать. Когда об этом заговорили заокеанские радиоголоса, всполохило высшее руководство СССР, в том числе Кукурузник — первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв.

На ноги был поднят весь свердловский гарнизон милиции, подключился всемирный топ дед КГБ. В город приехали лучшие сыщики из союзного министерства. Но время шло, а на след убийц напасть не удавалось...

В тот день, 12 февраля, Николай Калимуллин скучал. Другие оперативники разосланы по делам, а его оставили сидеть в райотделе: мало ли кто позвонит. Позвонил Боря Покровский — не то чтобы агент, а так, крутил-ся около. Парень из тихой еврейской семьи, но жизнь пошла криво: сидел. Когда вышел, старался сохранить мир со всеми, в том числе — и сыщиками. Вот и сейчас вроде пошутил, но как-то странно: — Николай, хочешь стать генералом?

Что-то было в его голо-

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ
Николай Калимуллину улыбнулась сщищящая удача

скаря». Под звон пивных кружек Боря сдал ему банду.

И через много лет Калимуллин волновался, вспоминая то дело. Убийц — братьев Коровиных и их сообщников — судили показательным судом. Лишь жене одного из злодеев назначили тюремный срок — за то, что не сообщила, не донесла на мужа. Четверых, непосредственных участников преступления, расстреляли. На их совети, кроме семьи Ахимблит и их доктора, оказался ещё и милицкий старшина Шаронов: его убили, чтобы завладеть оружием.

А к Калимуллину на много лет пристала кличка «милицкий гагарин». Как и первый космонавт СССР, опер Коля перепрыгнул через звание: из старших лейтенантов сразу стал майором. Получил медаль, квартиру, путёвку в санаторий и отрез на пальто.

Пальто сносило, квартира обветшала, генералом он так и не стал. Но всю сознательную жизнь бывший фронтвик-пулемётчик, а потом сыщик был солдатом правопорядка. И остался в написанной истории как образчик оперского мастерства и везения.

А что же тот, кто ему это счастье подарил, — Борис Покровский? Его ничем не наградили. Примерно через год он вдруг пропал. Вскоре на дне городского пруда, под так называемым Царским

мостом, нашли тело. К ногам был привязан камень.

Говорят, это была месть криминального мира. Ведь Борис принадлежал к нему и, значит, признавал его правила. Сдав Коровиных, он эти правила нарушил, за что и поплатился жизнью.

У профессора-юриста Леонида Дранкина — одного из главных персонажей давней истории — другая версия. Когда-то, молодым криминалистом областной прокуратуры, он осматривал сожжённый дом Ахимблитов, вытаскивал из погребов обугленные, обезображенные пытками тела. Участвовал в расследовании страшного убийства.

Дранкин считает: когда братья-убийцы Коровины попросили Бориса (с одним из них он сидел) спрятать у себя взятые у убитых, того заела совесть. Он знал, что евреи Свердловска доверили Ахимблитам хранить деньги, собранные на строительство синагоги. Но знал и то, что не было известно убийцам: власти запретили это строительство. Хранители вернули средства. Когда Коровины пришли за ними, семья — от стариков до мальчика-подростка — приняла муки и смерть за то, чего у них не было. Но у кого повернётся язык назвать их гибель напрасной?

Борис, конечно, боялся Коровиных. Но боль за своих соплеменников оказалась сильнее. На краткий миг, всего на несколько дней, он поднялся над всей своей непутёвоей жизнью. Вновь опуститься оказалось нестерпимо. Но прошлое камнем тынуло на дно.

Сегодня с Царского моста видно обмелевшее дно Исети. Много воды утекло с десятилетия 1960-х. С каждым годом всё туже голосом прошлого. О чём они хотят сказать нам, кто знает...

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ
Не так давно городской был отрицательным персонажем. А ныне занял подобающее место у карты России, которую мы потеряли. И вновь обрели

Рождённая государством

Охрана правопорядка нужна при любом общественном строе

Олег ЧЕРНОВ

Центурионы, то есть младшие командиры-охранители, существовали ещё в Древнем Риме. Любая власть должна защищать свои границы и своих граждан.

Два века назад, в сентябре 1802 года, было официально провозглашено создание министерства внутренних дел Российской империи. Его возглавили выдающиеся государственные деятели того времени: министр — граф Виктор Павлович Кочубей, начальник канцелярии — Михаил Михайлович Сперанский. Показательная деталь: тогдашний МВД с 1804 по 1809 год выпускал первое в истории России полицейское периодическое издание, носившее название «Санкт-Петербургский журнал». В нём принимали участие не только Кочубей и Сперанский.

Автор — в прошлом известный сотрудник уголовного розыска, полковник милиции. Неоднократно публиковался в «Областной газете». Приведённый выше текст — фрагмент из его сборника воспоминаний «Исповедь сыщика» (Екатеринбург, 2006).

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ